

вершенствована: в период эксплуатации объекта правительство г. Москвы будет выкупать не имущество (основные фонды ЮЗВС), а акции собственника водопроводной станции. По действующему законодательству операции с ценными бумагами налогами не облагаются, в результате значительно минимизируется стоимость реализации проекта. Пуск в эксплуатацию ЮЗВС состоялся в конце 2006 г.

Авторитет правительства г. Москвы среди деловых кругов, его гарантии своевременной выплаты инвестиций позволили за короткое время создать и реализовать модель финансирования, в которой основное финансовое бремя по развитию канализации в Москве на первом этапе ложится на городской бюджет, т.е. на налогоплательщиков, а в дальнейшем — после погашения инвестиционных затрат — полностью на потребителей. Такая нестандартная модель развития водопроводно-канализационного хозяйства с полным успехом может найти применение в нашей стране и других странах СНГ.

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Институт средневековой собственности сформировался на основе земельных владений и складывающихся вокруг них имущественных отношений, которые, в свою очередь, явились важнейшим фактором формирования гражданско-правовых отношений в средневековой Сербии и современных ей странах Европы.

Основной формой хозяйственной и общественной жизни для большинства населения стран средневековой Европы, как и в более древние времена, оставалась сельская община, которая на протяжении длительного исторического периода трансформировалась из родовой в соседскую, т.е. территориальную общину. Именно поэтому рассмотрение многообразных форм собственности, закрепленных в источниках права средневековой Сербии и стран континентальной Европы, мы начинаем с анализа данной формы собственности.

1. Общинная форма собственности. Общинные порядки, бытовавшие у славянских народов, получили юридическое закрепление в изданном в Восточной Римской империи “Земледельческом законе” (VIII в. н.э.), особенно наглядно они отражены в тексте славянской его редакции, которая получила широкое правоприменение в средневековой Сербии. В настоящее время известны две сербские редакции “Земледельческого закона”. Одна из сербских версий изложена в “Законе царя Юстиниана” — средневековом памятнике права, связанном с законодательной деятельностью первого и единственного сербского царя Стефана Душана. Данная редакция “Закона царя Юстиниана” дошла до нас благодаря сохранившемуся Ходошскому списку, который датирован XV в. При этом отметим, что текст “Земледельческого закона” в указанном списке изложен не полностью, а лишь частично, в краткой его редакции, состоящей из 16 статей [1, 204–211].

Текст другой сербской версии “Земледельческого закона” представляет собой совершенно особую редакцию юридического памятника. Он сохранился в рукописи Хиландарского монастыря и был выявлен исследователями в середине XX в. По этой причине он не был использован в более ранних исследова-

ниях по истории права сербскими и зарубежными учеными. Отметим тот факт, что текст статей “Закона царя Юстиниана”, который был заимствован из “Земледельческого закона”, несет на себе следы определенной стилистической правки. В рукописи Хиландарского монастыря сохранился текст, который передает смысл оригинала почти дословно. Он был опубликован и прокомментирован известным югославским ученым Д. Радойчичем [2, 15–28]. Из всего сказанного следует, что “Земледельческий закон” издавался для населения Восточной Римской империи, в том числе и для славян. Данный факт объясняет наличие в названном юридическом источнике норм славянского обычного права. На это указывает в своих работах известный исследователь средневекового восточно-римского и славянского права Е.Э. Липшиц [3, 96–143; 4, 1–12].

Анализ норм “Земледельческого закона” свидетельствует о том, что главной формой собственности у южных славян в период введения в действие указанного правового акта была общинная форма собственности. Сельская община южных славян, в том числе проживавших и на территории Сербии в период раннего средневековья, владела полями и могла защищать свои земли в судебном порядке от всякого рода посягательств со стороны других юридических и физических лиц. Согласно ст. 7 “Земледельческого закона” (ΝΟΜΟΣ ΓΕΩΡΓΙΚΟΣ) и той же статье славянской редакции “Земледельческого закона”, получившего широкое правоприменение в средневековой Сербии, если два села спорят о границе поля, то судья должен рассмотреть этот спор и присудить землю тому селу, которое владело полем большее число лет, а если имеются старые границы, то земля должна быть распределена согласно этим границам [5, 99, 235]. Аналогичная норма изложена и в ст. 21 Ходошского списка “Закона царя Юстиниана” [1, 209].

В исследуемый нами исторический период сельская община уже не исключает, а, наоборот, предполагает наличие индивидуального землевладения и самостоятельного ведения хозяйства крестьянской семьей на обособленном участке пахотной земли. Более того, указанная форма собственности уже охраняется законодательством. Так, в ст. 8 “Земледельческого закона” оговаривается положение о разделе земли между селами, которое способно нанести ущерб одной из сторон, а значит, и вызвать последующий пересмотр произведенного раздела на основании требования одной из сторон, принимавшей участие в данном действии. Об этом гласит и ст. 10 славянской редакции “Земледельческого закона”: “Если будет раздел земли и кто-то будет обижен в жребии, то можно нарушить и прежнее разделение” [5, 235]. Индивидуализация землевладения также прослеживается и в ст. 1 Восточно-римского списка “Земледельческого закона”, который гласит, что землевладелец обязан не нарушать границы полей соседа, а в соответствии со ст. 3 вышеназванного правового акта допускался и обмен участками между землевладельцами, соглашение о котором должно быть заключено в присутствии свидетелей. Аналогичные нормы права характерны и для славянской редакции “Земледельческого закона”. Так, ст. 1 славянской редакции закона гласит: “Земледельцу, обрабатывающему свою ниву, следует быть справедливым и не преступать межи своего соседа. Если же кто, преступив, нарушит и уменьшит долю своего соседа, то если сотворивший это земледелец во время распашки земли это сделал, лишится пахоты своей, если же во время сева, лишится и посеянного, и труда своего, и будущего урожая” [5, 234]. Согласно ст. 3 славянской редакции “Земледельческого закона”: “Если договорились два земледельца между собой поменяться своими нивами в присутствии двух или трех свидетелей, и именно так договорились, то будет их обмен утвержденным и незыблемым” [5, 234]. Аналогичные нормы отражены и в ст. 17, 18 Ходошского списка “Закона царя Юстиниана” [1, 208].

Однако процесс обособления пахотной земли еще не ведет к ликвидации общинной организации. “Земледельческий закон” знает институт выпаса скота по жнивью всей общиной. Согласно ст. 79 данного закона: “Если кто, сжав свой участок, пусти на него свой скот, когда соседние участки еще не сжаты,

причинит вред соседям, то пусть он получит тридцать ударов плетью и возместит убыток потерпевшему” [5, 126]. Близкая по своему характеру юридическая норма содержится и в ст. 75 славянской редакции “Земледельческого закона”: “Если кто-либо пожнет свою долю, в то время как доли его соседей не будут сжаты, и пустит свою скотину и это принесет ущерб его соседям, то будет наказан тридцатью ударами палки и возместит убытки” [5, 245].

Вместе с тем общинная организация с древних времен обладала и действенным механизмом сдерживания в отношении развивающегося института частной собственности, который все сильнее вовлекал в сферу своего влияния отдельных ее членов. Например, сельский сход обладал правом протестовать против устройства кем-либо мельницы на общей, никому не принадлежащей земле и мог обобществить мельничное устройство с раскладкой произведенных затрат между всеми однообщинниками. Так, ст. 77 славянской редакции “Земледельческого закона” гласит: “Если кто-либо живет в селе и решит, что общинная земля пригодна для мельницы, и так устроит, и потом после строительства мельницы начнут все селяне выражать свое неудовольствие хозяину мельницы, что общинную землю [он] считает своей, то отойдут ему все за все денежные расходы, сколько потратил на строительство мельницы, и все будут совладельцами” [5, 246]. Следовательно, проведенный нами анализ “Земледельческого закона” указывает на то, что в период раннего средневековья члены сербской земледельческой общины являлись лично свободной категорией населения. Однако внутри этой общины уже наблюдался процесс имущественной дифференциации ее членов. Так, в вышеуказанном законе много говорится о земледельцах, которые обрабатывали чужое поле, и о взаимоотношениях между землевладельцем и земледельцем. В “Земледельческом законе” регламентированы различные формы обработки чужой земли: за плату десятины, исполу и т.д. Данные формы обработки чужой земли закреплены и в славянской редакции “Земледельческого закона”, в частности в статьях 12–14, где подробно оговариваются права и обязанности земледельцев-испольщиков [5, 235–236].

Процесс централизации сербского государства в XII–XIV вв. вызвал к жизни окончательное закрепощение крестьян. При этом наблюдается тенденция сокращения прав крестьянской общины как юридического лица. Согласно ст. 7 славянской редакции “Земледельческого закона” в споре двух сел о границе земельных угодий выигрывала та сторона, которая владела этой землей более продолжительное время [5, 235]. С принятием и вводом в действие юридических норм “Законника Стефана Душана” положение существенно изменилось. В соответствии со ст. 77 Быстрицкого списка “Законника Стефана Душана” и ст. 79 Призренского списка вышеуказанного Законника подобный спор стал разрешаться в пользу той стороны, чьи права на землю были санкционированы государством, т.е. подтверждены “царской милостью” [6, 191; 7, 137]. Данную правовую норму следует считать уступкой сербского средневекового государства феодальным землевладельцам для облегчения захвата последними общинных земель и остающихся пока еще свободными крестьян.

В рассматриваемый исторический период община из орудия борьбы свободного крестьянства с феодальными землевладельцами постепенно превратилась в орудие его угнетения. Ее единство было нарушено переходом части хозяйства в прямую зависимость от феодала-землевладельца. Община стала феодально-зависимой. Из этого следует, что сербская средневековая община переживала те же стадии развития, которые были характерны и для общинной организации других стран континентальной Европы. Сербской общине в основном были присущи те же черты, что и германской марке, т.е. сербская земледельческая община перерождается в такой вид общины, где коллективное верховенство на территории села и общее владение лесами и пастбищами сочетаются с собственностью отдельных общинников на свои земельные наделы. Данный вид общины представляет собой третью из сменяющих друг друга форм общины в ходе эво-

люции последней (кровно-родственная, земледельческая община и марка, как принято называть данный вид общины в Германии и ряде стран Западной Европы). Еще Ф. Энгельс в рукописном варианте работы «Франкский период» установил типичные признаки характерные для общины — марки:

1. Выделение отдельных наделов «пахоты и луга в качестве аллода, в качестве свободной собственности владельцев, обязанных лишь обычными для марки повинностями»;

2. Отсутствие периодических переделов пахотных полей и лугов в сочетании с общим владением неподеленными угодьями;

3. Господство трехполья и принудительного севооборота;

4. Чересполосица и система открытых полей [8, 497], т.е. такое размещение пашен, при котором вся площадь пахотной земли деревни распределялась на несколько четырехугольников (так называемых конов), а каждый из них, в свою очередь, распадался на полосы, причем каждый общинник владел одной полосой в каждом «коне». При этом в средневековой Сербии (XIII—XV вв.), как и в Германии, пользование полем и лугом контролировалось общиной; та часть пахотной земли, которая находилась в данное время под паром, служила на все это время общим пастбищем, так же как и остальные части пахотной земли после уборки урожая. С тех пор как баштина сербского крестьянина-общинника стала предметом купли-продажи, т.е. товаром, а леса, пастбища и пустоши превратились в общинные придатки частной собственности на этот надел, началось перерождение и разложение средневековой сербской общины. Под влиянием роста крупной феодальной вотчины свободный крестьянин-общинник превращался в крепостного. В Европе данный процесс особенно быстро протекал во Франкском государстве и гораздо медленнее в странах Центральной и Восточной Европы, где до начала XIII в. сохранилось еще значительное количество свободных крестьян.

Возникает вопрос, что же происходило с общиной как с хозяйственной организацией в результате закрепления свободных крестьян-общинников, входящих некогда в ее состав в качестве равноправных ее членов? Ф. Энгельс, изучая структуру марки в средневековой Германии, установил, что церковные и светские феодалы, приобретавшие владения в пределах марки, становились ее членами, но первоначально пользовались только равными правами наряду с остальными свободными или зависимыми общинниками. Однако впоследствии, несмотря на упорное сопротивление крестьян, вотчинникам нередко удавалось не только приобрести важные привилегии в марке, но и подчинить ее своему господству. «И все же старая община — марка продолжала существовать, хотя и под господской опекой» [8, 338].

Еще в большей степени сохраняла хозяйственное значение община — марка в тех случаях, когда она не становилась целиком под власть какого-либо одного крупного феодала, а в нее, наряду с крупными вотчинниками, входили и аллодисты мелкопоместного типа, которые вынуждены были больше, чем крупные вотчинники, подчиняться хозяйственным распоряжениям марки, тем более, что многие мелкие вотчины вышли из самой общины.

Рост неравенства общинных наделов, в результате расслоения общинников на крупных и мелких баштинников в средневековой Сербии, содействовал перерождению общины в той же мере, что и втягивание различных ее членов в состав мелкопоместных и крупных вотчинных владений. И тем не менее хотя бы такой факт, как наличие почти во всех дарственных грамотах крупным церковным собственникам оговорки о передаче дарителем вместе с основным объектом его дарения также и прав пользования непоселенными землями, свидетельствует о сохранности и живучести хозяйственных распоряжений общины как производственной организации при резком изменении социально-экономического положения ее членов, подвергающихся либо закреплению, либо включению в состав более крупных вотчинных структур [10, 71].

Уже в сербских и хорватских актовых записях XI в. встречаются прямые свидетельства о продаже крестьянами-общинниками земли, которая была получена ими в собственность по наследству. Об этом свидетельствует Ю.В. Бромлей в монографии “Становление феодализма в Хорватии (к изучению процесса классовообразования у славян)”, базирующейся на обширном фактическом материале [11, 118–126]. При этом в актовом материале обычно указывается, что данный участок земли унаследован традентом от его ближайших родственников по прямой восходящей линии (от отца) [11, 118].

Отчуждение наследственной недвижимости вероятнее всего имеется обычно в виду и в тех значительно более многочисленных случаях, когда в актах отмечается, что продажа или дарение земли произведено либо совместно несколькими родственниками, либо одним лицом с согласия родственников. Однако в этих случаях лишь изредка фигурируют прямые родственники двух разных поколений (отец и сын, мать и сын). Например, в исследовании Ю.В. Бромлея гораздо чаще речь идет о ближайшей боковой родне (преимущественно братьях) [11, 118–119].

В рассматриваемых актах неоднократно встречаются специальные оговорки, что родственники традента не должны претендовать на проданную или подаренную землю. Это косвенно свидетельствует об отчуждении наследственной недвижимости. Словом, в сербской и хорватской деревне XI в., несомненно, широко практиковалось отчуждение не только благоприобретенной, но и унаследованной недвижимости.

В качестве основного и наиболее распространенного ингредиента отчуждаемой недвижимости (и унаследованной, и благоприобретенной), как мы уже могли отчасти убедиться, в наших источниках выступает земля. Но и это все же далеко не единственная категория отчуждаемой недвижимости. В качестве таковой в них (помимо так называемых принадлежностей основного объекта отчуждения) выступают виноградники, мельницы, хижины и т.д.

Фактический материал позволяет сделать вывод, что в XIII–XIV вв., т.е. уже в условиях феодальной зависимости большинства сербских крестьян-общинников, за ними также сохранялось право на распоряжение собственностью, как и в прежние времена. Например, в Хиландарском хрисовуле 1276 г. содержатся сведения о факте продажи виноградника монастырю в районе поселения Белуши зависимым крестьянином феодала по имени Будимира [12, 387].

Однако из постановлений Архангелогородского хрисовула 1348 г. и Дечанского хрисовула 1330 г. следует, что баштина меропха может быть отчуждена в пользу другого меропха или свободного человека низшего сословия, который сможет выполнять обязанности ее прежнего владельца. Так, Дечанский хрисовул гласит: “Если кто-либо захочет завладеть землей меропха, то он превратится сам в меропха” [12, 651]. Следовательно, правоспособность и дееспособность феодально зависимых крестьян-общинников значительно сократилась по отношению к статусу бывших свободных землепашцев, раннесредневековой Сербии. Зависимое население средневековой Сербии (XII–XV вв.) могло выступать только в роли условного владельца, в том числе и в сфере реализации права покупать и продавать. Реальным собственником имущества в новых экономических условиях был феодал, который обладал правом собственности на имущество зависимого от него населения. Итак, феодал не только контролировал правоспособность и дееспособность каждой крестьянской семьи, но и всю крестьянскую общину через институты ее самоуправления и власти.

Из вышеизложенного становится ясно, что утверждение и господство в обществе новых (феодальных) производственных отношений объективно уже в обозримом будущем должно привести сербскую крестьянскую общину в состояние кризиса и последующего разложения. Однако история даровала сербской общине долгую жизнь. Турецкое завоевание и владычество, охватившее период с XV до середины XIX вв., продлило жизнь крестьянской общины на территории Сербии на многие столетия.

При сопоставлении правовых норм Древнерусского государства (“Русская Правда”) и Польши (“Польская Правда”) с законодательством средневековой Сербии приходим к выводу, что налицо факт значительного подобия в содержании форм общинной собственности названных славянских государств. Например, в Древнерусском государстве, как и в средневековой Сербии, земледельческое население было организовано в общины, объединявшие семьи одной или нескольких деревень. Анализ русского средневекового законодательства позволяет считать, что община на землях средневековой Руси представляла собой первичную территориально-общественную организацию, в недрах которой шел процесс формирования институтов государственной власти. Ведь каждая община обладала даже своим судебным органом. На это нам указывает ст. 33 Краткой редакции “Русской Правды” [13, 48, 62]. При этом мы имеем все основания полагать, что в рассматриваемый период древнерусская община не представляла собой производственную структуру. Согласно ст. 34 Краткой редакции “Русской Правды” первичное производство в русских землях уже в период раннего средневековья было сконцентрировано в рамках конкретной семьи, земельный надел которой был выделен межевыми знаками. Нарушение границ этого надела со стороны другого лица влекло за собой штраф в размере 12 гривен [13, 48]. Итак, привлекая юридические материалы, можно утверждать, что в личном владении общинников находились усадебные земли и пашни, прежде всего те, которые были расположены в непосредственной близости от селений. При переложной системе земледелия владение пашней не было полным, так как время от времени община производила переделы пашни. По мере внедрения паровой системы земледелия расположенные вблизи пашни становились постоянными и начинали передаваться по наследству. Отдаленные от селения заимки, на которых применялся лесной перелог, естественно, находились в личном владении временно, пока на них производился посев.

Каждое хозяйство отдельно заготавливало корма для скота, но индивидуальное пользование лугами не приводило еще к их освоению. Луга считались общинным владением.

По мнению профессора А.П. Пьянкова, которое он высказал в монографии “Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси”: “Члены сельской общины, ведя индивидуальное хозяйство, были заинтересованы в совместном владении некоторыми земельными угодьями. Прежде всего это относится к выгонам для скота. Совместное содержание скота на подножном корму давало возможность предотвратить погубы посевов, а также организовать охрану скота от хищений и гибели” [14, 103].

В совместном, неразделенном пользовании общинников находились, кроме выгонов, леса и водоемы. Налицо факт заинтересованности членов общины в совместном хозяйственном использовании некоторых угодий, что создавало основу для сохранения общинного землевладения и самой сельской общины. В пользу этого свидетельствуют и юридические источники более позднего времени. Например, в ст. 61 Судебника 1497 г. и ст. 86 Судебника 1550 г. разговор идет о защите посевов от возможной погубы скотом при его выпасе на сервитутных угодьях [15, 61, 92, 117, 118, 167]. Общинники средневековой Руси были связаны между собой круговой порукой: община несла коллективную ответственность за уплату налогов в соответствии со ст. 9 Пространной редакции “Русской Правды” [13, 64, 88], ст. 77 указывает также, что сообща члены общины отвечали перед органами государственной власти за совершенное на ее территории преступление, если виновник неизвестен, принимали меры по поиску преступника или возмещали причиненный ущерб хозяйству или имуществу собственника [13, 69, 109].

В борьбе с наступлением феодалов на крестьянские земли, леса, другие угодья община служила одним из средств сопротивления представителям господствующего класса. Однако постепенно она подпала под “опеку” феодалов, которые использовали ее организацию в корыстных интересах. При этом об-

щина эволюционировала в своем развитии. Итогом эволюции было выделение из ее состава экономически сильных хозяев, представителей зарождающегося господствующего класса, и неимущих элементов, т.е. зависимой категории населения. Развитие феодальных отношений в средневековой русской общине, как и в общине феодальной Сербии, привело к дифференциации земледельческого населения по имущественному и правовому положению.

В средневековой Польше, так же как и в Сербии и Древнерусском государстве, исходным моментом в формировании институтов феодального права собственности на землю являлось разложение общины. В XIII в. значительная часть польского крестьянства была уже в личном зависимом состоянии от феодалов, однако и в крепостном состоянии они сохраняли свою общинную организацию.

Земледельческая соседская община, известная в истории Польского средневекового государства (XIII – XIV вв.) под названием “*opole*” или “*vicinia*”, представляла собой союз нескольких соседних деревень, имела свое самоуправление и выполняла определенные функции. Правовой статус соседской общины закреплен в статьях 8, 9 и 10 “Польской Правды”. Она выступала защитницей прав своих членов, отвечала за них перед судом феодала, разыскивала воров и убийц в случае совершения преступления на ее территории; кроме того, она раскладывала подати, распределяла повинности среди своих членов и отвечала за их исполнение [16, 18 – 19]. Иными словами, члены общины были связаны круговой порукой в уплате податей и выполнении повинностей. Иногда община (“*opole*”) выступала стороной в суде, выдавая в присутствии возного полномочия делегированным лицам представлять интересы общины [17, 156 – 157].

В средневековой Польше существовал специальный общинный суд, который рассматривал некоторые категории дел, касавшиеся членов общины. Кроме того, община имела право издавать в пределах своей компетенции отдельные постановления под названием “*willekoer*” [16, 19].

Показательна и роль общины в защите своих членов перед феодалами. И хотя она была малоэффективна в условиях феодального государства, но важность ее заключалась в том, что даже в условиях средневекового крепостного права община являлась одним из немногочисленных средств социальной и классовой защиты зависимого крестьянства. Малоэффективность борьбы общины с засильем господствующего класса феодалов объясняется имевшими место внутриобщинными противоречиями, которые возникли вследствие имущественной дифференциации среди членов общины. Феодалы, в свою очередь, поддерживали эти противоречия и использовали их с целью укрепления господства над крестьянами-общинниками. В частности, польские феодалы возложили на общину ответственность за исполнение феодальных повинностей крестьянами [17, 42].

Сельская территориальная земледельческая община — “*opole*” продолжала выполнять свои функции в том же объеме и в XIV в. Об этом свидетельствует ст. 48 Вислицкого статута, в которой регламентирован порядок ее жизнедеятельности. Указанная статья, точно так же как и ст. 8 “Польской Правды”, предусматривает обязанность крестьян общины преследовать убийцу, вора [18, 10].

В связи с тем, что в XIII в. феодалы в Польше захватили значительную часть общинных земель (поля, леса, пастбища), в XIV в. польские крестьяне уже не имели права пользоваться этими угодьями без разрешения господ. Вероятно, нарушений сложившегося порядка было много, поскольку господствовавший класс был вынужден оформить этот запрет в юридической форме. Так, в Вислицком статуте была закреплена следующая правовая норма: “Некоторые, надеясь на свою смелость, входят в чужие леса или боры без воли на то их господина и вырубают лучшие дубы, думая, что их за это никто не накажет. Мы постановляем: если кто срубит дуб, который годится на ось, во владении другого без воли господина, либо меньшие дубы, либо другими деревьями наполнит свой воз, должен уплатить штраф шесть гривен тому, в чьем владении он срубил” [18, 15].

Из вышеизложенного следует, что в XIII — XIV вв. польская соседская община и ее собственность находились в полной зависимости от феодала, который осуществлял ее эксплуатацию путем присвоения феодальной ренты. В данном вопросе наша точка зрения полностью совпадает с мнением видных польских исследователей истории права Ю. Барбаха, Б. Леснодорского и М. Пиетрчака, высказанным в их коллективной работе “История государства и права “Польши” [17, 42]. Кроме того, в польской земледельческой общине наблюдались те же тенденции, которые были характерны для развития общинной организации средневековой Сербии и русских княжеств.

Сравнительный анализ форм собственности, присущих средневековой крестьянской общине Сербии и стран Западной Европы (Германия, Франция), позволяет сделать вывод, что процесс разложения соседской общины в странах Западной Европы и формирование новых форм собственности в ее недрах (под новыми формами собственности мы подразумеваем институт частной собственности) шел более быстрыми темпами, чем в средневековой Сербии и других славянских странах. В пользу нашего довода свидетельствует наличие ряда правовых норм, закрепленных в “Салической Правде”, которая известна как источник права Западной Европы с VI в. н.э. Так, титул XXXIV “Салической Правды” (Lex Salica), озаглавленный “О краже изгороди”, свидетельствует о становлении в недрах франкской общины института частной земельной собственности, который уже защищен нормами права от посягательств со стороны других лиц, как из числа соплеменников, так и представителей соседствующих общин. Нарушение прав собственности на владение земельным участком уже влекло за собой значительную материальную ответственность других лиц. “Если кто отрежет 2 или 3 прута, которыми связывается и сдерживается вверх изгородь, или сломает или вырвет 3 кола, — гласит § 1, титул XXXIV “Салической Правды”, — присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов. Если кто сожжет чужую изгородь, присуждается к уплате 15 солидов” [19, 35].

В § 2 вышеуказанного титула “Салической правды” говорится: “Если кто проведет по чужому, уже взошедшему полю борону, или проедет с телегой не по дороге, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида [19, 35].

Правовые нормы, закрепленные в титуле XXVII “Салической Правды”, также свидетельствуют о становлении института частной собственности в недрах соседской общины, а кроме того о наличии и общинных угодий, т.е. сохраняющего действие древнего института общинной собственности [19, 29 — 32].

О существовании у франков общинной собственности на землю говорят и другие титулы “Салической Правды”, в частности, титул XLV “О переселенцах”. Переселиться на территорию общины “чужаку” можно было только при согласии всех членов общины. Если хотя бы один из них высказывал протест, переселенец должен был покинуть общину. Характерно, что граф, исполняющий решение общинного суда о выселении “чужака”, должен был являться не в дом переселенца, а на тот участок общинной земли, который был им обработан [19, 45 — 46]. Однако “Салическая Правда” знала и исключение из этого общего правила. Если в течение года и одного дня ни один из членов общины не высказывал протеста против поселения “чужака”, то, согласно § 3 титула XLV “Салической Правды”, его землевладение начинало охраняться правом [19, 46].

Вместе с тем “Салическая правда” по существу санкционировала присвоение общинной земли приближенными короля, т.е. представителями формирующегося господствующего класса, так как постановление § 4, титула XIV данного Законника запрещало высказывать протест против переселенца, если на то была специальная королевская грамота. Протестующий против королевского распоряжения присуждался к штрафу в 200 солидов [19, 23].

Об аналогичных процессах в недрах общины средневековой Сербии говорилось уже в “Земледельческом законе” (см. выше), который появился в VIII в., т.е. спустя 200 лет. Столь быстрое формирование института частной

собственности у франков и развитие феодальных отношений — прямое следствие результата столкновения и взаимодействия крупной античной земельной собственности с общинной собственностью германских племен, с так называемой маркой. При этом нельзя не согласиться с точкой зрения профессора Л.И. Дембо о том, что дифференциация землевладения внутри марки привела к постепенному выделению из общины частной наследственной собственности — аллода [20, 83]. Возникновение аллода как свободно отчуждаемой земельной собственности неизбежно приводит к созданию крупного земельного владения и формированию господствующего класса из числа земельных собственников-феодалов. Следовательно, крупное землевладение у франков формировалось двумя способами: путем образования его на базе разложения общины (марки) и на базе сохранившихся римских латифундий. В результате, уже в конце IX в. во Франции подавляющая часть крестьянства находилась в поземельной и личной зависимости от феодалов. Согласно капитулярию Карла Лысого от 847 г., каждый человек обязан был подчиниться власти сеньора, а те, кто не имел сеньора, должны были коммендироваться тому или другому господину, иначе они не пользовались защитой закона [21, 648].

Феодалы усиливали эксплуатацию крестьян, вводили новые повинности, лишали крестьян их прежних прав, в частности, безвозмездного пользования общинными угодьями и лесами. Аналогичный процесс был характерен и для средневековой Германии, хотя закрепощение основной части крестьян-общинников там приходится на более поздний период — XI в.

В связи с этим следует отметить, что общие закономерности формирования и функционирования общинной собственности, в том числе ее правовых форм, в средневековой Сербии соответствуют основным тенденциям данного процесса как в славянских странах, так и странах Западной Европы. Вся земля, которая не входила в усадьбу и пахотный надел, — лес, пастбища, пустоши, болота, реки, пруды, озера, дороги, места охоты и рыбной ловли — оставалась, как и в древние времена, общинной собственностью, предназначенной для совместного пользования всеми членами общины. Подобно тому как доля каждого члена общины в разделенной пахотной земле была первоначально для всех одинаковой, так же одинакова была и доля его в пользовании общими угодьями. Способ этого пользования определялся всеми членами общины. Таким же образом устанавливался способ наделения пахотной землей, когда уже возделанной земли больше не хватало и от общинных угодий выделялся участок для возделывания. Общие угодья использовались, главным образом, для выпаса скота и ловли рыбы, а лес являлся источником для получения строительных материалов и дров.

Наряду с одинаковыми земельными наделами и равными правами в пользовании общими угодьями члены общины имели первоначально одинаковый доступ к участию в законодательстве, управлении и судопроизводстве в масштабе общины. В установленные сроки, а если требовала жизнь, то и чаще, собирались они под открытым небом для обсуждения важных дел общинной жизни, а также для судебного разбирательства нарушений обычаев и разрешения возникших тяжб. Там же вырабатывались законы, хотя только в самых необходимых случаях избирались должностные лица общинного управления и вершился суд. Председатель высшего органа общинной власти — народного собрания — только ставил вопросы, приговор же всегда выносился общим решением всех присутствующих.

Главное различие в развитии общины средневековой Сербии и славянских стран со странами Западной Европы сводится к хронологическим этапам становления и кризиса общинной организации. Определяющим фактором в данном процессе является развитие производительных сил с последующей эволюцией производственных отношений, которые и привели, в конечном результате, к утверждению института частной собственности на землю как важнейшего элемента общинной жизни. Разумеется, что процесс эволюции от общинной к частной собственности исторически не был прямолинейным и перманентным.

Так, трудно не согласиться с С.Д. Заком, что в германской общине — марке пахотный надел на определенном этапе стал свободно отчуждаемым аллодом малой семьи, члены которой не являлись совладельцами общей собственности, как на ранних этапах развития германской сельской общины или как при восточной ее форме [22, 163–164]. Однако появление мелких частных собственников на землю в германской деревне никак не повлияло на судьбу германской общины, т.е. марки. Ведь частная собственность в германской марке, как в русской и сербской общине, была еще относительно слабо развитой, ибо еще весьма значительной оставалась регулирующая роль общины в вопросах хозяйственной жизни ее членов. Например, германская община при нехватке пахотных земель устанавливала порядок дополнительной нарезки земли из общинного земельного фонда, вводила принудительный севооборот (в связи с трехпольем и чересполосицей), регламентировала способы обработки и уборки полей, определяла поголовье скота и его виды и т.д. [9, 334–335]. Не подвергалась контролю общины только частная собственность на движимое имущество (деньги, скот и т.д.). Следовательно, община сохраняла контроль над недвижимой собственностью и над хозяйственной деятельностью общинников. Поэтому мы имеем все основания утверждать, что в германской марке, как и в русской и сербской общине, собственность лица, по-видимому, не существовала как полное отрицание собственности всех, т.е. частная собственность в рамках общинной организации не играла значимой роли.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс установили, что члены германской общины обязаны были выполнять различные работы в пользу общины в целом, а в ренте — трудом и продуктом, таким образом, в недрах общинной организации была заложена возможность непосредственного перехода к барщине, т.е. к феодализму. При этом члены германской общины пользовались более обширными правами, чем члены восточной и славянской общины, т.е. русской и сербской [22, 164]. Но именно имущественное и социальное неравенство внутри общины приводит к тому, что демократическая должность старейшины (доходная и престижная) превращается в наследственную и последний нередко становится деревенским графом. Так из общинной элиты вырастали крупные землевладельцы. Вместе с захватом власти и собственности общинной верхушкой и формирующимся из нее классом феодалов, а также князем, церковью, дружинниками узурпируется рента общинников. Последние превращаются в зависимых крестьян. Свободная община трансформируется в феодальную ячейку и в качестве таковой интегрируется в феодальную общественную систему: она приспособляется к этой системе и приспособливает последнюю к себе. Таким образом, налицо процесс взаимодействия.

Например, Ф. Энгельс не считал германскую общину средневековым институтом. Наоборот, он подчеркивал ее генетическую связь с более ранними общинными типами (азиатской и античной общинами). Закрепощение общины — марки сказалось на внутренней ее организации, на ее внешнем статусе и эволюции. Тем не менее, хотя и под господской опекой, марка продолжала существование, испытывая в условиях классового общества одновременное воздействие противоположных факторов — разложения и консолидации [9, 338]. Однако консолидирующие общину факторы были настолько значительны, что только после полуторатысячелетия, как отметил Ф. Энгельс, община — марка начала разлагаться, оставаясь, вместе с тем, до конца средневековья основой почти всей жизни германской нации [8, 495].

Свободная крестьянская община всюду сопротивлялась процессу закрепощения, стараясь сохранить в условиях чуждой среды свойственные ей черты коллективизма и демократизма. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что германская и русская общины сохраняют на всех стадиях существования черты первобытности. Германская община отличается от русской прежде всего характером самоуправления. Для первой характерна демократическая организация, для второй — патриархальная [23, 701]. Данная характеристика актуальна и

для сербской общины, которая является примером патриархальной организации. Влияние общинной организации на социально-экономическую структуру феодального общества сказывается прежде всего на сходстве хозяйственной организации марки и поместья, что было связано с процессом ее закрепощения. Наличие феодальных элементов в структуре германской общины и феодальных тенденций в структуре римского общества позволило германской общине эволюционировать в сторону феодального, а не рабовладельческого общества. В равной степени это относится к славянской, т.е. сербской общине, которая развивалась в контакте с феодализирующейся Восточной Римской империей и Западной Европой. Германская общинная собственность уже в период раннего средневековья представляла собой зародившуюся форму феодальной собственности. В сложившихся условиях община — марка превратилась в первичную единицу феодальной организации.

В германской общине — марке в большей степени чем в русской и сербской общине, было развито внутриобщинное разделение труда, где ремесленники были менее связаны с землей, а стало быть, менее оседлы и экономически более самостоятельны. Это, в свою очередь, способствовало развитию в рамках общинной организации товарно-денежных отношений. Именно данный факт позволил Ф. Энгельсу утверждать, что общинный строй смог омолодить погибающее римское общество, смягчить нищету крестьянства, придать силу коллективному сопротивлению всякому угнетению.

Литература

1. Древняя редакция “Закона царя Юстиниана” // Флоринский, Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ: Хрисовулы. Сербский Законникъ. Сборники византийскихъ законовъ / Т.Д. Флоринский. — Киевъ: Императорскій университет св. Владимира, 1888.
2. *Радочици*, С. Српски рукопис Земљорадничког закона / С. Радојичи // Зборник радова Византолошког института Српска академија наука. — 1955. — Књ. 3.
3. *Липшиц*, Е.Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация / Е.Э. Липшиц // Византийский сб. — М.—Л.: АН СССР, 1945. — С. 96—143.
4. *Липшиц*, Е.Э. Византийский Земледельческий закон и его судьбы в средневековых балканских государствах / Е.Э. Липшиц. — М.: Междунар. асоц. по изучению стран Юго-Восточной Европы, 1966.
5. Византийский Земледельческий закон / под ред. И.П. Медведева. — Л.: Наука, 1984.
6. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / уредник М. Бегови . — Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. — Књ. II.
7. Душанов законик: прирзренски рукопис // Јанкови , Д. Историја државе и права феудалне Србије (XII—XV век) / Д. Јанкови . — 3-е издање. — Београд: Научна књига, 1961.
8. *Энгельс*, Ф. Франкский период / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 19, 1961.
9. *Энгельс*, Ф. Марка / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 19, 1961.
10. *Гркови*, М. Прва хрисовуља Манастира Дечани / М. Гркови . — Београд: Центар за очување насле а Косова и Метохије, 2004.
11. *Бромлей*, Ю.В. Становление феодализма в Хорватии (к изучению процесса классообразования у славян) / Ю.В. Бромлей. — М.: Наука, 1964.
12. *Новакови*, С. Законски споменици српских држава средњег века /С. Новакови . — Београд, 1912.
13. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984—1991. — Т. 1: Законодательство Древней Руси, 1984.
14. *Пьянков*, А.П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси / А.П. Пьянков. — Минск: БГУ, 1980.
15. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984—1991. — Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства, 1985.
16. Księga prawa zwyczajowego polskiego z wieku XIII // Starodawne prawa polskiego pomniki / wyd. A. Helcel. — Kraków, 1870. — Т. 2.
17. *Bardach*, J. Historia ustroju i prawa polskiego / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. — 5-e wyd. — Warszawa: LexisNexis, 2003.
18. Volumina legum. — Petersburg, 1859. — Т. 1.
19. Салическая правда / под ред. В.Ф. Семенова. — М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1950.

20. Дембо, Л.И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе / Л.И. Дембо. — Л.: ЛГУ, 1954.

21. Fustel de Coulanges, M. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Les Transformations de la Royauté pendant l'époque carolingienne / M. Fustel de Coulanges. — 7-e edition. — Paris: Librairie Hachette, 1923.

22. Зак, С.Д. Некоторые черты однотипности и отличия германской и русской земельной общины в работах К. Маркса и Ф. Энгельса / С.Д. Зак // Проблемы аграрной истории: в 2 ч. / под ред. В.Л. Янина. — Минск: Наука и техника, 1978. — Ч. 1.

23. Маркс, К. Об освобождении крестьян в России / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — 2-е изд. — М.: Полит. лит., 1954—1981. — Т. 12, 1958.

(Продолжение в следующем номере.)

А.А. ПОВАЛЯЕВ

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО РЫНКА ТРУДА И ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

В современных условиях развития европейский рынок труда представляет собой сложный социально-экономический механизм, который отражает многообразие связей, общественно-экономическую форму движения трудовых ресурсов, которая соответствует рыночной экономике.

Как экономическая категория рынок труда представляет собой систему трудовых отношений между работниками, работодателями или нанимателями и государством. Он характеризуется постоянно меняющимся соотношением спроса и предложения трудовых ресурсов [1, 95].

Рынок труда обеспечивает пропорциональность распределения рабочей силы в соответствии со структурой общественных потребностей, поддерживает баланс между спросом и предложением рабочей силы, оказывает влияние на условия реализации личного трудового потенциала.

Современный европейский рынок труда характеризуется высокой динамикой и мобильностью рабочей силы. Он начал формироваться после Второй мировой войны. Потребность в формировании единого европейского рынка труда была связана с необходимостью быстрого экономического развития государств, пострадавших и потерпевших значительный экономический урон и потерю людских ресурсов за годы войны. Послевоенное восстановление и развитие экономики требовали притока дополнительной рабочей силы.

Становлению и развитию рынка труда в послевоенной Европе способствовало образование, согласно Римскому договору 1957 г., Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Государства-члены ЕЭС, изначально преследовавшие чисто экономические цели, стремились устранить разделяющие европейские государства барьеры и создать единый европейский рынок Сообщества, в рамках которого вместе с товарами, услугами, капиталом смогли бы свободно передвигаться трудовые ресурсы. Развитие экономической и политической интеграции в рамках Европейского сообщества стимулировало процессы, связанные с мобильностью экономически активного населения и “переливанием” трудовых ресурсов из одной страны в другую.

Мобильность населения и его пространственное передвижение, которое ведет к его территориальному перераспределению, в отечественной и зарубеж-